

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СВЕТЕ МИРОВЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье анализируется круг вопросов, касающихся перспективы национального государства. Также рассматривается одна из ключевых проблем современности – национальная идентичность в процессе трансформации обществ.

Ключевые слова: национальное государство, глобализация, интеграционные процессы, идентичность, цивилизация, гражданство, космополитизм.

Abstract. The article deals with the scope of problems regarding the perspective of national security. Also the article considers a key problem of modernity as national identity in the process of society transformation.

Key words: nation state, globalization, integration processes, identity, civilization, citizenship, cosmopolitanism.

В условиях, когда сложность взаимосвязей общества не поддается регулированию внутритерриториальной политикой, когда традиционные представления о внутригосударственной и международной политике подвергаются серьезнейшим изменениям, когда транснационализация хозяйственной жизни привела к формированию глобальной экономики, когда девальвируются старые механизмы восприятия мира и формируется новое общечеловеческое сознание, государство встает на безальтернативный путь обособления. Процесс адаптации может проявляться переосмыслением государством собственной роли и перераспределением своих функций.

Сегодня мировая общественность, включая ее политическую и научную элиты, все в большей степени склоняется к признанию правового социального государства в качестве оптимального для нынешней фазы развития человечества. В далеком прошлом остались макиавеллевские времена, когда для удержания дружбы народа, по мнению мыслителя, достаточно было государю не угнетать его [1, с. 69]. В нынешний исторический период человек занимает центральное положение в процессе реализации государственных функций. Результаты двух мировых войн оказались достаточным основанием для достижения общемирового консенсуса в вопросах по правам человека. Закрепление человеческого достоинства в качестве универсальной ценности во Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. [2] заложило начало того международного политико-правового состояния, которое сегодня в научно-интеллектуальных кругах циркулирует как режим прав человека. В дальнейшем были приняты десятки международно-правовых актов, в которых были детализированы права человека по разным отраслям общественной и частной жизни, учреждено множество международных и неправительственных организаций по обеспечению заявленных прав и свобод человека и личности. В свете демократизации, охватившей подавляющее большинство государств, права человека выступают чуть ли не в роли центрального критерия правомерности международных отношений. В связи с этим С. Сассен не от-

рицает вероятности возникновения «режима прав человека» как главного эффекта текущих международных процессов [3].

В юриспруденции принято классифицировать внутренние и внешние функции современного постиндустриального государства следующим образом: к внутренним функциям относятся обеспечение народовластия, экономическая, социальная и культурная функции, охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка, природоохранительная функция и т.д.; к внешним – защита от нападения извне, поддержание международного правопорядка, борьба с международной преступностью, поддержание международных политических отношений в целях разрешения глобальных проблем современности, участие в международной охране окружающей среды, интеграция в мировую экономику и т.д. Нетрудно заметить, какую высокую степень условности приобрела такого рода классификация. Совершенно ясно, что многие внутренние и внешние функции имеют взаимообуславливающий характер и что практически не существует ни одной функции, которая выполняла бы сугубо внутреннюю или внешнюю задачу. Таким образом, несмотря на такую теоретическую систематизацию, на практике аналогичные внутренние и внешние функции государства сливаются в единую функцию определенной сферы регулирования. В данном контексте интересным представляется единая классификация функций государства. Это относительно новая идея в праве и социологии. При таком подходе любое государство осуществляет следующие функции:

– политическую (обеспечение территориальной и общественной безопасности, суверенитета, национального согласия, поддержание законности и т.д.);

– экономическую (обеспечение функционирования и развития экономики, ведение внешнеэкономических отношений и т.д.);

– социальную (охрана прав и свобод населения или его части, реализация мер по удовлетворению социальных потребностей населения, повышению уровня жизни и т.д.);

– идеологическую (поддержание определенной идеологии, организация образования, функции в сфере науки и культуры и т.д.);

– экологическую (постоянная организация природоохранительных мер, участие в международной охране окружающей среды и т.д.).

При этом функции государства не носят статического характера и в конкретно-исторических условиях могут подвергаться изменениям. В теории существует много версий перераспределения функций государства, продиктованных уровнем развития современного информационного общества. Как правило, речь идет о разгрузке государства от некоторых функций за счет международных институтов и неправительственных организаций. Довольно интересную модель представляет С. Удовик, в которой перераспределение государственных функций производится по следующим макроуровням:

1) *надгосударственный*¹. Часть своих функций государство делегирует на вышестоящий уровень – цивилизационный или международный;

¹ Мы считаем такое определение не совсем корректным для обозначения данного макроуровня, так как принцип надгосударственности присущ лишь нескольким международным организациям. Формулировка автора, однако, оставлена неизменной.

2) *нижний*. Часть функций государства переходит на нижний уровень – региональный или локальный, что объясняется заботой о личности;

3) *неформальные, негосударственные гражданские организации*;

4) *государство как таковое*. За ним остаются следующие функции: право делегирования полномочий и ответственности на все уровни, создание благоприятной среды обитания и ведения бизнеса, поддержание порядка, мониторинг экологии и т.д. и т.п. [4, с. 391–394].

В современных реалиях, когда, как пишет А. Неклесса, «наряду с прежней политической схемой, на планете складывается транснациональная, геоэкономическая модель властных отношений» [5, с. 10], государство терпит кризис (или как минимум переживает переходный период) как субъект, устанавливающий целостность институтов управления и принципы властвования и контроля, как базисная система правления и порядка, как наивысшая инстанция, формирующая общественно-идеологическую атмосферу. Что касается роли и функций государства в постсовременную эпоху, мнения исследователей сгруппировались по следующим принципиальным позициям:

– *девальвация государственности*. Довольно приличный состав современных светил политической мысли строго убеждены, что государственность в буквальном смысле обесценивается (или, в крайнем случае, минимизируется ее роль), становясь не способной принять вызовы современности. Они полагают, что процессы глобализации кардинальным образом меняют суть государственности, которая на горизонте недалекого будущего представляется полной фикцией. Данная концепция отличается множеством вариаций, каждая из которых занимает определенное положение между умеренностью и гиперглобализмом;

– *усиление национального государства*. Это абсолютно противоположное предыдущему истолкование процессов новейшей эпохи с точки зрения их влияния на роль государства. Трубадуры этой концепции не только отрицают всякую девальвацию государственности, но и утверждают обратные тенденции. Они полагают, что научно-технические достижения и усовершенствование международной политической системы вывели национальное государство на новый уровень влияния и контроля;

– *альтернативное видение: адаптация*. Это скептическая позиция на выше представленные полярные видения современных реалий. Когорта приверженцев этой точки зрения считают, что национальное государство приспосабливается к новой среде и что в крайнем случае уместно говорить о структурных трансформациях, что не есть девальвация или усиление контроля. Следовательно, национальное государство находится в длительной стадии выработки эффективных механизмов для отражения вызовов постсовременной эпохи.

Таким образом, не существует доминирующей концепции, доводы которой своей весомостью затмили бы все альтернативные видения. По всей вероятности, государственность подвергнется определенным метаморфозам, но однозначно ответить на вопрос – обесценится или усилится ее роль или же ее суть останется неизменной, к моменту написания настоящей статьи, на наш взгляд, представляется некорректным.

Одним из важнейших вопросов глобализационного контекста, привлекающего внимание научного мира, остается перспектива национальной идентичности. «Пространство опыта индивида больше не совпадает с национальным пространством» [6, с. 38], – полагает У. Бек. Немало работ было по-

священо перспективе национальной идентичности, однако среди них не просматривается более или менее доминирующей линии, что вполне объяснимо по ряду причин. Во-первых, объективно трудно сделать прогнозы относительно перспективы национальной идентичности в общей неопределенности судьбы национального государства. Во-вторых, существуют немало специалистов, весьма скептически настроенных на революционность глобализации и считающих утрату национальной идентичности одним из постулатов так называемой глобалистской мифологии, ставших закоренелыми стереотипами в массовом сознании. В-третьих, прогнозы не совпадают даже у тех, кто не сомневается в том, что национальная идентичность подвергается эволюции.

«Своим историческим успехом, – пишет Ю. Хабермас, – национальное государство обязано тому обстоятельству, что оно заменило распадавшиеся корпоративные узы раннего новоевропейского общества солидарной взаимосвязью между гражданами государства» [7, с. 211]. Теперь можно сказать, что эта «солидарная взаимосвязь», ставшая основой для формирования национальной идентичности под воздействием транснациональных уз глобального общества, ослабевает. На проблематике национальной идентичности в свете глобализационных процессов сфокусировано внимание сразу трех дисциплин: социологии, культурологии и политологии. Относительно перспективы национальной идентичности перед нами обрисовываются контуры вероятно будущего в следующих четырех сценариях.

1. *Самоидентификация на базе гражданства.* Такой сценарий кажется вероятным с учетом размаха современных демократизационных процессов. «В языке юристов «гражданство», «citoyennete» или «citizenship», – пишет Ю. Хабермас, – долгое время означало лишь подданство или национальность; лишь с недавнего времени это понятие расширяется и приобретает смысл гражданского статуса, который описывают через гражданские права» [8, с. 217]. Теперь это понятие обозначает не только членство в государстве, но и определенный правовой статус и юридическое содержание. В наши дни гражданство – в первую очередь юридическое понятие, определяющееся как устойчивая и правовая связь между человеком и государством. Оно, можно сказать, полностью утратило всякую этническую составляющую.

Международный пакт о гражданских и политических правах еще в 1966 г. на международном уровне узаконил право каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную (ст. 12) [9]. Развитие коммуникационных технологий по геометрической прогрессии объективно повысило не только степень реализуемости данного права, но и собственно спрос на его реализацию. Нет никаких оснований прогнозировать в неотдаленном будущем отказ от общепланетарного демократизационного курса (за вычетом небольшого числа стран) и регресс в интеграционных процессах. Однако есть все основания предположить, что демографическое состояние подавляющего большинства стран склонно к быстрым изменениям и что этот процесс будет ускоряться. В таких условиях на базе института гражданства могла быть сформирована менее жесткая конструкция идентичности, которая успешно заменила бы национальную идентичность.

2. *Активизация национального самосознания.* Устойчивое развитие в условиях глобализации представляется чуть ли не неосуществимой задачей. Контрастность в распределении экономических благ становится главной характерной чертой не только при сопоставлении регионов и государств, но и

при рассмотрении состояния внутри обществ. Обострение проблем экологического и демографического плана воспринимается как результат бешеного темпа глобализации. Наконец, процессы в сфере культуры и эмоционально-трагическое осознание утраты национальной идентичности замыкают список основных посылок активизации национального самосознания. В этой связи интересным представляется наблюдение Э. Тодда на примере ряда мусульманских стран. Он приходит к выводу, что за переходом из состояния повсеместной неграмотности к общему уровню образованности, как правило, следует всплеск национализма [10]. С усилением глобализационных процессов мы четко наблюдаем рост националистических настроений. Такая ответная реакция на неумолимые тенденции современности «выказывается» в полной гармонии с парадигмой антиглобализма. Справедливости ради нужно подчеркнуть, что в антиглобалистском движении, как овеществленной форме антиглобалистского дискурса, процент участия по этнонациональным вопросам крайне невелик. В этом направлении относительно преуспели международные неправительственные организации экологического толка. Да и в целом антиглобалистское движение представляет собой по большей части артикулированную оппозицию грядущим изменениям, нежели дееспособный упреждающий механизм, способный предотвратить их наступление. Что касается дискурса антиглобализма, то, в отличие от парадигмы неолиберализма, он являет собой конгломерат размытых, несвязных и несконструированных идей.

Это ни в коем случае не означает, что вероятность возникновения националистических устремлений сводится к минимуму. Весь человеческий опыт показал, что регрессы столько же (если не больше) свойственны ходу времени, сколько и развитие. Все прогнозы, даже самые авторитетные, по большому счету всего лишь гипотезы, а не проекции будущего. При таких обстоятельствах было бы весьма заблаговременно сбрасывать со счетов вероятность усиления национально-этнического фактора.

3. *Усиление цивилизационного фактора.* На фоне активных политических интеграционных процессов и формирования глобальной экономики большой интерес приобретает цивилизационный фактор. Весьма актуальным представляется вопрос: облик будущего миропорядка в какой мере будет определяться межцивилизационными отношениями? В связи с этим возникает ряд вопросов, без решения которых невозможно эффективно определить роль цивилизаций в складывающемся миропорядке. Во-первых, нужно разобраться в том, что берется за основу для определения современных цивилизаций, во-вторых, попытаться установить перечень существующих цивилизаций и, в третьих, оценить реальные возможности каждой из них выступать в качестве нового геополитического игрока.

Мы не будем углубляться в этимологию термина «цивилизация», потому что для разностороннего представления сведений о его возникновении и изложения существующих формулировок понадобилось бы процитировать как минимум несколько десятков авторов, что могло бы стать рассредоточивающим абстрагированием в ущерб предмету рассмотрения.

Понятие «цивилизация» развивалось в течение 350 лет после своего появления, приобретая новую смысловую нагрузку. У А. Тойнби, заслугу которого в изучении цивилизаций нельзя переоценить, мы находим следующие элементы цивилизационной идентичности: религия, история, язык, обычаи и культура [11]. С. Хантингтон ограничивается только религиозным принципом

в определении цивилизаций. Он полагает, что важнейшие границы, разделяющие человечество, будут определяться культурой и преобладающие источники конфликтов будут находиться в маргинальных зонах соприкосновения цивилизаций [12, с. 754]. Реакцией на это стало идея М. Хатами, в 1998 г. выдвинувшего альтернативное мировидение, где «столкновение» заменено «диалогом» и которое предполагает многополюсный и мультикультурный мир. Это стало темой широчайших дискуссий по всему миру. Тем не менее и эта парадигма не отменяет значения цивилизационной идентичности. Ссылаясь на демографическую ситуацию в большинстве государств, И. Василенко пишет, что «многие страны сегодня находятся одновременно внутри одной цивилизации и сами состоят из множества цивилизаций» [13, с. 74].

Несмотря на активизацию интеграционных процессов в рамках отдельных цивилизационных ареалов, культурный фактор как источник самоидентификации все еще имеет слабое действие. Однако сегодняшние реалии дают достаточно оснований предположить, что противостояние по схеме «мы – они» может перейти на цивилизационный уровень.

4. *Торжество космополитизма.* Этот сценарий представляет, пожалуй, самый распространенный прогноз в научной литературе о грядущих переменах. Корни космополитизма берут начало с античной греческой философии времен Антисфена и Диогена, суть которого заключается в его этимологии (греч. *kosmopolites* – гражданин мира). Идея «единства человеческого рода» заложена в фундаменте многих конфессий. Но эта универсалистская и крайне утопическая ценностная установка служила некой целью, к чему должен был быть устремлен ход человеческого развития. Сегодня, однако, часто говорится о космополитизме как о возможных (незапланированных) последствиях определенных процессов. Пока нереалистичным представляется также кантианская идея мирового государства.

Приверженцы данного сценария исходят из реальных обстоятельств и тенденций современности. Ускорение интеграционных процессов и всеобщая демократизация, размах транснационализации и формирование глобальной экономики, технологизация и возникновение информационного измерения – все это, по их мнению, ведет к упадку национального и цивилизационного самосознания. Своеобразную модель будущего глобального общества представляет У. Бек. Под «космополитизацией» автор подразумевает «внутреннюю глобализацию», трансформирующую «содержание социального и политического внутри национальных государств» [6, с. 25]. Он не прогнозирует утраты национальной идентичности, но считает, что по аналогии поствестфальского периода, когда государство было отделено от церкви, нация в результате космополитизации будет отделена от государства.

Можно однозначно согласиться с П. Бергером в том, что изоляция от глобальной культуры обязательно требует изоляции и от глобальной экономики [14, с. 17]. Эпоха глобализации придала новую форму старой идее космополитизма, которая приобрела особую актуальность. Этот сценарий, сохраняя известную долю утопизма, на наш взгляд, является не менее реалистичным, чем три предыдущих.

Список литературы

1. **Макиавелли, Н.** Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли ; пер. с итал. Г. Муравьевой, Р. Хлодовского. – СПб. : Азбука – классика, 2007. – 288 с.

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека : сб. междунар. документов. – М. : Юридическая литература, 1998. – 608 с.
3. **Sassen, S.** Losing Control?: Sovereignty in an Age of Globalization / S. Sassen. – N. Y. : ColumbiaUniversity Press, 1996. – 158 p.
4. **Удовик, С. Л.** Глобализация: семиотические подходы / С. Л. Удовик. – М. : Рефл-бук, 2002. – 480 с.
5. **Неклесса, А. И.** Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века / А. И. Неклесса // Российские стратегические исследования / под ред. Л. Л. Фитуни. – М. : Логос, 2002. – 192 с.
6. **Бек, У.** Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, № 1. – С. 24–53.
7. **Хабермас, Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; пер с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.
8. **Хабермас, Ю.** Гражданство и национальная идентичность / Ю. Хабермас // Демократия, разум и нравственность. – М. : Академия, 1995. – 247 с.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Права человека : сб. междунар. документов. – М. : Юридическая литература, 1998. – 608 с.
10. **Тодд, Э.** После империи. Pax Americana – начало конца / Э. Тодд. – М. : Международные отношения, 2004. – 240 с.
11. **Тойнби, А.** Постижение истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
12. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Василий М. А. Политология : хрестоматия. – М. : Гардарики, 2000. – 843 с.
13. **Василенко, И. А.** Политическая глобалистика / И. А. Василенко. – М. : Логос, 2000. – 360 с.
14. **Бергер, П.** Культурная динамика глобализации / П. Бергер // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер с англ. В. В. Сапова ; под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

Ахвердян Геворг Каренович
аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет

Akhverdyan Gevorg Karenovich
Postgraduate student, Saint
Petersburg State University

E-mail: h.georg@mail.ru

УДК 327

Ахвердян, Г. К.

Национальное государство и национальная идентичность в свете мировых интеграционных процессов / Г. К. Ахвердян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 34–40.